

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. А. Гусейнов

Национальная фаза государственной истории

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-Guseinov.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФАЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А.А. Гусейнов

В общественно-политической лексике наших дней (например, в средствах массовой информации) понятие национального государства употребляется в значении, которое очень сильно отклоняется от его исторически сложившегося содержания, часто даже противоречит ему. В данном случае, как и во многих других, мы становимся жертвами собственных филологических пристрастий, следуем за эстетикой языка. В повседневном русском языке советской эпохи слово “нация” означает почти то же самое, что и слова “национальность”, “народ” (слово “этнос” в языковой быт по сути дела еще не вошло, а в той мере, в какой входит, совпадает с ними по смыслу); различия между ними сводятся к трудно уловимым нюансам, они такие же условные, как и различия, например, между словами типа “царство” и “королевство”, “нравственность” и “мораль”, которые происходят из разных языков, но обозначают один и тот же предмет.

Когда советского человека спрашивают, к какой нации он принадлежит, то это для него то же самое, как если бы спросили, какого он рода-племени, к какому принадлежит народу. И на такой вопрос он знает только один ответ: я – русский (или соответственно – армянин, белорус, чукча и т.д.). Известно, что на Западе всех советских людей называют русскими. Когда мне случалось уточнять, что я – лезгин, то со-

беседники, как правило, не очень-то понимали, что я хочу сказать – и не потому, что не знали раньше о существовании лезгин; им трудно было понять, почему нельзя быть лезгином и русским одновременно. Для западного человека принадлежность к нациям и этническая принадлежность – разные вещи (заметим в скобках ради объективности, что этот мыслительный стереотип является там преобладающим, но не единственным – я встречал уэльскую националистку, которая категорически отказывалась идентифицировать себя в качестве англичанки или британки). Для нас же это – одно и то же. Когда такое понимание нации прилагается к государству, получается, что национальное государство есть государство, в котором живут целиком или по преимуществу люди определенной национальности или этноса. Это понимание является превращенным. Оно, может быть, и несет какую-то этнографическую информацию, но мало что говорит о политической истории.

Сформулируем вопрос иначе: в какой оппозиции, в какой парности находится понятие национального государства, т.е. чему оно противопоставлено? Обычный ответ звучит так: национальное государство противопоставлено многонациональному государству; значит, под национальным государством понимается мононациональное государство. Здесь имеет место очевидное “искривление слов”, явное несоответствие обозначения тому, что обозначается.

Возьмем, к примеру, Московское великое княжество XIV–XV вв., когда от Орды уже почти освободились, а собственные завоевания еще были впереди. Живет там в основном русский этнос. Вряд ли кто станет называть это государство национальным! Или возьмем Францию конца XV – начала XVI в., т.е. после Людовика XI, когда уже сложилась монархия с централизованной государственностью. Там живут французы, или по преимуществу французы. Является ли Франция того периода национальным государством? Конечно, нет! Если это – уже национальное государство, тогда почему Наполеон считается носителем французской национальной идеи?

Национальное государство исторически сменяет сословное и по существу противопоставлено ему. Оно возникает тогда, когда подданные, находящиеся в различной степени зависимости от всевластного монарха, становятся свободными гражданами, когда политическая свобода расширяется до действительного равенства всех перед законом, когда утверждается гражданский статус личности. Национальное государство знаменует собой ту стадию политического развития, когда сословный принцип организации общественной жизни сменяется демократическим. В известном смысле национальное государство есть синоним государства демократического, правового.

Каковы предпосылки, основания, в силу которых государственная история переходит в национальную фазу, что заставляет ее перейти в эту фазу? Можно указать, по крайней мере, на основания тройкого рода. Во-первых, *экономические*: потребность преодоления хозяйственной разорванности, обусловленной феодально-княжеской раздробленностью и субэтническими особенностями. Во-вторых, *социокультурные*: переход от полуграмотного состояния общества к всеобщей грамотности, от аристократических ценностей к демократическим; речь идет о коренной переоценке ценностей, свидетельствующей о том, что меняется субъект политической жизни государства: им уже не является лишь одно или несколько сословий, им становится вся нация, т.е. все граждане. В-третьих, *морально-психологические*: потребность определенных народов, этносов самоутвердиться в ряду других народов, этносов, которая находит яркое выражение в культурной самобытности, чувстве национального достоинства.

Что касается возможного процесса образования национальных государств на обломках Советского Союза, то для этого, на мой взгляд, не существует ни экономических, ни историко-культурных оснований. Те экономические и историко-культурные задачи, которые обычно (если брать европейский образец) решаются через национальные государства, для народов бывшего Союза уже решены. Более того, создание “национальных государств” в этом отношении может явиться шагом назад (на что и указывают разрушение единого экономического пространства путем создания национальных и местных валют, возрождение так называемых консервативных ценностей – с паранджой для женщин в мусульманских регионах или публичными розга-

ми в казачьих районах и т.п.). Остаются еще этико-психологические причины (исторические обиды, желание защитить культурную самобытность и др.), которые единственно и могли бы быть оправданием раскола страны на национальные государства. Но разве не могут психологические претензии наций, их чувства свободы и достоинства быть вполне удовлетворены в рамках единой федеративной или конфедеративной государственности путем последовательного, законодательно гарантированного устранения возможности национального доминирования в центральных государственно-политических структурах и полного сосредоточения культурного суверенитета в руках самой нации?! Я думаю, могут. И опыт советского этапа российской истории в этом отношении отнюдь нельзя считать сугубо негативным.

Процесс превращения бывших республик Союза в независимые государства, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев, не был результатом их органического развития. Просто после того, как провалился центр, у них не было иного выхода. В конце концов народы должны были спасти себя. Когда Съезд народных депутатов России обсуждал Декларацию о суверенитете республики, параллельно шли также бурные заседания союзных депутатов. Я был в это время в одной из республик Средней Азии. В телевизионном холле гостиницы мои среднеазиатские коллеги пристально следили за российскими заседаниями, оставаясь равнодушными к тому, что и как говорят союзные депутаты. Я поинтересовался причиной такой странной избирательности и услышал в ответ нечто неожиданное: “Если Россия объявит суверенитет, будет сама по себе, значит, тогда мы тоже свободны”. Они оказались *тоже свободными*, свободными по случаю, а не потому, что боролись за свободу и нуждались в ней. Насколько это основательно и исторично? Есть разница (и немалая!) между деньгами, которые человек случайно нашел на дороге, и деньгами, которые он заработал целенаправленным трудом. Наблюдая, как легко, буднично был *отменен* Советский Союз и сформированы независимые государства, трудно отделаться от ощущения какой-то нереальности происходящего.

Я не знаю, какими терминами политологии и исторической социологии следует пользоваться, чтобы выразить суть происходящих в нашей стране политических процессов. Но одно можно сказать твердо: *это все что угодно, но только не образование национальных государств*. Мы совершаем большую ошибку, когда принимаем за чистую монету бирки, которые те или иные политические силы навешивают на себя. Нет, речь не идет о лицемерии и обмане. Это может быть и самообман. Так оно скорее всего и есть. В любом случае мы не должны доверять самосознанию действующих политиков. Когда говорят, что на месте одной *империи* возникло 15 *национальных государств*, то это неточно. В ряде случаев уместнее было бы понятие, скажем, *этнократических государств*. Можно даже предположить, что в своем реальном социальном содержании процесс дробления государства есть форма, благодаря которой или через которую старая *система тоталитаризма продолжает себя сохранять*.

Более того, можно высказать даже такую парадоксальную мысль: *единое советское государство было в определенном отношении более национальным*, чем, например, возникшие на его обломках латвийское, грузинское, эстонское и другие государства. Оно было более национальным в том отношении, что более надежно гарантировало равноправие этносов, условия для их свободного развития. *Политическое и юридическое равенство людей независимо от их этнической принадлежности, так же, как и право каждого этноса на культурную самобытность, – обязательный признак национального государства*. Классическим примером националистического государства считается фашистское. Оно было именно националистическим, а не национальным. Оно *не было национальным* как раз потому, что *было этнократическим*, утверждало превосходство арийцев. *Идея превосходства одного народа, этноса перед другим несовместима с идеей национального государства*. Что касается процессов, происходящих в ряде бывших советских республик, надо четко констатировать: разделение людей на “коренных” и “некоренных”, “первосортных” и “второсортных” граждан с несомненностью доказывает, что мы имеем дело не с национальными государствами, а с чем-то совершенно иным.

Национальное государство в принципе, по определению, не может быть недемократичным.

Мне кажется, что логическая коллизия, возникающая при осмыслении столкновения либеральной идеи с национальной, разрешается, если предположить, что появление национальных государств было конкретной формой реализации либеральных идей. Национальное государство, обозначая пространство, внутри которого либеральные идеи обретают юридическую плоть, является исторически первой формой правового государства.